

Ирина
Витковская

ПТИЦА МАМЫРА

роман

Ирина Валерьевна Витковская

Птица Мамыра

Серия «Время читать!»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64848052

Птица Мамыра : роман / Ирина Валерьевна Витковская: «Время»;

Москва; 2021

ISBN 9785969120969

Аннотация

Новый роман Ирины Витковской о редком таланте, почти утерянном нашим практичным веком. Таланте любить. О выборе. Мальчик и девочка, юноша и девушка, мужчина и женщина. Частная история. Притяжение сердец – на всю жизнь, через все испытания. Верность и невозможность быть рядом. На фоне удивительного, яркого, потрясающе достоверного калейдоскопа девяностых. Картинок. Историй. Иногда настолько смешных или ужасных, что ловишь себя на мысли: неужели мы всё это пережили?

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

62

Ирина Витковская

Птица Мамыра

Художественное электронное издание

Макет, оформление – *Валерий Калныныш*

Рисунки – *Александра Николаенко*

© Ирина Витковская, 2021

© «Время», 2021

Часть первая

– Там, справа, под раундапами¹, – крикнул из кухни Сашка. – Подними всю стопку, и там...

Тая сдвинула тяжеленную горку пособий и, кряхтя, отложила в сторону половину.

Под учебниками обнаружился узкий конверт с красным логотипом РЖД – Российские железные дороги.

«Что это? – подумала Тая. – Карточки с фонами?»

С каким-то странным холодком она открыла конверт. На стол выпали два жёлтых железнодорожных билета. Один билет был выписан на Сашкино имя, а другой...

– Ну чего ты там? – опять крикнул Сашка. – Нашла?

– Нашла, – с трудом произнесла она, внезапно охрипнув.

– А? Не слышу! – донеслось с кухни.

– Нашла-а-а!.. – собрав все силы, прокричала Тая.

А сама уже была где-то не здесь. То есть, может быть, и здесь, но это уже была не она. В солнечное сплетение вбили кол: она забыла, как дышать, взгляд намертво приклеился к глянцево-прямоугольнику, на котором значилось: «Клубника Маргарита Николаевна».

Она собрала все силы, чтобы посмотреть пункт назначения – город Сочи и число – двадцать восьмое июня.

¹ От «Round up» (англ.) – название учебного пособия по английскому языку.

Сегодня было двадцатое мая.

Тридцать с лишним дней. На всё про всё. На то, чтобы думать, возвращаться в прошлое, винить себя и замирать от вернувшегося ощущения висящей над головой бетонной плиты, от тяжести и неотвратимости чужой воли, готовой вмешаться в её жизнь и сломать её. Думать и ждать – вот что ей остаётся.

И Тая стала ждать.

...Вечер этого дня прошёл как в тумане: они ужинали вдвоём, Сашка привычно ловко перемещался по тесной кухне, что-то говорил, раскладывал по тарелкам манты с тыквой, заваривал чай, смеялся. Тая водила за ним глазами, со странным вниманием разглядывая знакомую сутуловатую фигуру. Очки, лохмы, тощая спина, красивые длинные пальцы, сыплющие укроп в салат и заварку в чайник.

И было странно знать об этом человеке всё – как он в минуты раздумья ногтем скребёт нос, одновременно прищуривая левый глаз и поджимая нижнюю губу, и сколько раз чихает, и как рычит, потягиваясь по утрам, качается на стуле, проверяя тетради... И не знать ничего.

...Ночью почему-то снились женские губы, вызывающе очерченные красной помадой. Они шевелились, морщились, чуть приоткрывались; сверкала полоска зубов. Потом губам кто-то показал спелую клубнику, они раскрылись ещё больше, выпятив нижнюю, и несколько раз сомкнулись, желая прихватить сочную ягоду.

Перед самым пробуждением, уже на розовеющих изнутри веках, вспыхнула огненная надпись: «Клубникина».

Лучше бы не просыпаться.

– Да.

– Алё... Это я.

– Соня?

– Да-а. А ты где – дома?

– Дома, конечно. Ты же на домашний звонишь, нет?

– Слушай. Э-э-э... У нас ведь двадцать пять в этом году, ты должна помнить.

– Да.

– Тут... определённые круги... считают, что мы должны собраться и...

– Какие круги, Соня, скажи яснее, пожалуйста. Фамилия кругов?

– Э-э-э... Ну Колбасьев фамилия. Колбасьев собирает. Мережкин из Москвы прибудет. Ещё там люди. Из мальчишек. Ты что по этому поводу думаешь?

– А ты что думаешь?

– Я? Ничего. Смотря когда.

– А из девочек кто?

– Да никто так особенно. Только местные. Ты, я, Городецкая, Вострикова. Что ты молчишь?

– Думаю...

Конечно, самый простой способ узнать правду – предъявить билет владельцу и спросить, что сие означает.

Просто для любого, только не для Таи.

За всю свою сорокаторёхлетнюю жизнь безоглядную решительность она проявила всего два раза.

Впервые в семь лет, когда отец, горький пьяница, нашёл в тайничке за гобеленовым ковриком семьдесят шесть копеек в мятном кошелёчке с облезлой пуговичкой и пропил их.

Тая копила на маленького пупсика из мертвенно-белой пластмассы и прилегающий к нему манежик из отдела игрушек в местном «Детском мире». Сберегала по десять копеек, которые мама давала на мороженое, вместо бутерброда с колбасой в школьном буфете покупала булку с кабачковой икрой... Оставалось доложить совсем чуть-чуть, гривенник, – и желаемая куколка была бы у неё в руках.

И вот наконец недостающая монетка готова отправиться к накопленному. Но кошелёк пуст, а отец стоит на пороге кухни, пьяно пошатываясь.

Тихонькая, как мышка, первоклассница, да ещё росточком с пятилетнюю, подпрыгнув, с рычанием повисла на длиннющем мужике, цепляясь за него зубами, руками, ногами, карабкалась вверх, упираясь локтями и коленками. В

отчаянии ей хотелось как можно скорее добраться до лица и лупить кулаками по лбу, щекам – куда попало. От лёгкой, как пёрышко, Таи едва стоящая нетрезвая фигура даже не пошатнулась, но гневное безумие было так велико, что мама долго не могла разжать маленькие скрюченные пальчики, вцепившиеся в рубаху. Дочка бесконечно выскальзывалась, выворачивалась из взрослых рук и под материно встревоженное «Тася, Тася...» опять лезла, царапалась, кусалась.

Сворованные у ребёнка семьдесят шесть копеек положили конец терпению даже её безропотной мамы – она отправилась к директору кирпичного завода, по месту работы Таиного отца, и выплакала давно обещанную двухкомнатную квартиру, где они двое и прожили все последующие годы. В хрущёвском доме, «доме посреди горы», как его называли жители микрорайона, возведённого на довольно крутом холме. По сравнению с другими окружающими его строениями дом выглядел самым нелепым, как бы перекошенным: из-за уклона рельефа правый угол торцевого фундамента был почти в два раза выше левого.

В другой раз отчаянное безумие охватило Таю, когда на них с Серёжкой набросилась собака. Тая везла пятилетнего сына на санках из детского сада. Кульком закутанный в плед, даже не пикнув, ребёнок с ужасом смотрел, как овчарка, выдернув поводок из рук зазевавшейся девушки, с леденящим душу лаем несётся прямо на него.

Дальнейшее не поддавалось внятному объяснению — Тая сама превратилась в рычащего пса. И нападала она, именно она, — с оскаленными зубами, с рычанием, выставив вперёд локоть в цигейковой шубе; и совала локоть прямо прыгаю-

щей собаке в пасть, грубо, резко, одновременно отталкивая, оттесняя её от санок.

Огорошенная собака отступала, припадая на задние лапы, отбегала прочь с громким лаем, делала круг и опять неслась на них...

Три раза овчарка атаковала и все три не выдерживала, уходила на круг. С каждым разом Тая каким-то образом наполняла себя до краёв нервной, судорожной энергией. Накачанная отчаянием и страхом, она сама словно становилась зверем; перед последним броском уже была готова встать на четвереньки, встретиться с псиной лицом к лицу (или мордой к морде?) и вцепиться в эти жёлтые шальные глаза – чем угодно – ногтями, зубами!

Четвёртого круга не последовало. С каким-то жалобным брёхом собака разорвала привычную дугу и странной иноходью, подтягивая к животу задние лапы, умчалась в ближайший двор, сопровождаемая хлопаньем поводка и визгом перепуганной хозяйки.

Тая победила.

Она почему-то не сомневалась, что победит, и благодарила небо лишь за то, что, сражаясь с собакой, стояла к сыну спиной: он не видел ни её оскала, ни звериного взгляда, ни тягучей слюны, заливавшей подбородок.

Вот и всё. Больше, к счастью или к сожалению, судьба на подобные отчаянные поступки не провоцировала. Вся остальная жизнь была прожита как-то... на цыпочках – тихо,

с оглядкой. Сперва с мамой, потом с Сашкой.

Те события прошлого, которые было невозможно осмыслить и принять, она просто заперла в тёмный чулан памяти и редко-редко заходила проведать: как там они?

Почти никогда.

А опыт окриков, унижений, несправедливых нападков, незаслуженных обид – был, и очень богатый. Тая не приходила от него в отчаянье, а несла свой опыт спокойно, с достоинством, с недрогнувшим лицом, осторожно, как опасную, но полезную вещь. Эта вещь помогала ей избегать новых неприятностей или, если уж по-другому нельзя, переносить их стоически, невозмутимо, как неизбежное. Её невозможно было довести до истерики, крика, заставить говорить обидные слова – она просто перемалчивала всё плохое и несправедливое, проходила, балансируя, как болотную топь по жёрдочке, и, переждав, начинала тихий, спокойный разговор, как будто и не было ничего...

– Алло?

– Будьте добры... Таисия, ты? Городецкая. Извини, сразу не узнала.

– Здравствуй, Ириша. Рада тебя...

– Прости, некогда. Давай – к делу. Звонил Колбасьев. Ты уже в курсе?

– Ну немножко.

– Будут: мы четверо из девчонок и парни – Колбасьев, соответственно, Мережкин, Калдохин. И Мышь просится. Хоть он и в «Б» был два года.

– А... когда? Уже решили?

– Вот в этом вся проблема. Знаешь, мне не нравится, как Колбасьев расставляет акценты. В субботу, как мы и обсуждали, видишь ли, уже нельзя – «они с пацанами на футбол идут». Продавливает теперь воскресенье и пивной ресторан. Что думаешь?

– Н-не знаю. А ты кого из мальчиков хотела бы видеть?

– Ни-ко-го. Только вас. Думай, Каретникова.

Характером Тая пошла в маму – тихоню и миротворицу. Только страх за дочку заставил её бросить горького пьяницу мужа, а так бы терпела и терпела.

Тая помнит, как они переезжали: зимой, в трескучий мороз, на санках.

Кверху дверцами, плашмя, на санках лежал лёгкий фанерный шкаф; в шкафу, придерживая створки, сидела Тая и не давала выпасть узлам с их немудрёным барахлишком.

Старая, за выездом, двухкомнатная квартира в хрущёвке показалась невозможными светлыми хоромами; даже почти полное отсутствие мебели не могло омрачить радости обла-

дания этим чудом.

Спали вдвоём на сундуке, обедали в комнате за древним круглым столом, который подарили новые соседи. Прожжённый утюгом треугольник в центре мама прикрыла штопаной-перештопаной гобеленовой скатертью с бахромой, и счастье накрыло обеих – богато получилось! Гармонировало с ковриком, повешенным над сундуком, – мельница, мосточек, девушка с вязанкой дров. А кухонного стола у них тогда просто не было, как не было и много чего ещё, вторую комнату, абсолютно пустую, украшал только книжный фанерный шкаф, тот самый, привезённый на санках.

Прекрасным казалось всё – и большие, натёртые газетой до невыносимого блеска окна, и линолеум в шашечку, постеленный в кухне и коридоре прежними хозяевами, и, конечно, ванна – огромная для их худосочных тел. Из плоского кра-на с шумом била горячая вода, наполняя белоснежную, шершавую от бесконечной борьбы с ржавчиной ёмкость, и Тая ныряла и плескалась в ней, купая в мыльной пене мочалку, а мама смеялась от счастья и ловила скользкими руками вёрткое, худенькое тельце.

Мама воспитала в Тае твёрдую убеждённость, что жизнь даёт гораздо больше, чем они заслуживают. Это свойство помогло ей в дальнейшем считать бесценным то малое, что у них имелось, и с лёгкостью переносить отсутствие того, чего быть не могло. Ковры, мебельные стенки, модные вещи – некоторые без них просто заболели, а они ничего, жили

себе спокойно. Коричневое форменное платье, да габардиновая юбка-шестиклинка, да свитер-лапша – вот и все наряды. Тая очень медленно росла и никак не набирала нужный вес. Бесплотное тело не отрывало пуговицы на поясе юбки, лёгкие ноги не истирали обувь – по этой причине гардероб будто и не снашивался.

– Алло! Кто это? Я куда попала?

– Лорик. Не кричи. Это я, Тая! Слышу тебя.

– Таиска! Таиска! Эй, закройте Маршала! И уберите орла!

Я кому говорю, уберите орла!..

– Лорик, миленький. Что у тебя происходит? Маршал – кот твой, да? Лариса! А орёл у тебя откуда? Орёл? Вы что, орла завели?

– Ф-фу. Да. Прости. Маршал, сволочь, колготки когтит. Гад, три затяжки! А орёл – нет, не завели, что ты... Это Коля Орёл, сосед наш, уже пьяный в сосиску. Самогонку на кухне со Славкой пробуют. Видать, удалась. Он, когда нажрётся, вспоминает, что любит меня. Рвётся руки слюнявить. И на колени падает. Да фиг с ним. Таиска! Ты идёшь, короче?

– Я могу. Хочу вас всех...

– Тока... Таиска. Закройте Маршала, я сказала! Да... Короче. Тут такое дело. Колбасьев, гад, прямо вдурь обулся. В воскресенье ему и в пивной. Ну и мы себя не на помойке

нашли, правда? Короче, одни встречаемся, согласна?

С переездом в новый дом началась и новая жизнь – с новыми соседями, новой работой мамы. В квартире через стенку проживала Келбет Гумаровна – Прекрасная Казашка, в которую мама и Тая влюбились с первого взгляда. Прекрасная Казашка – балерина на пенсии – воспитывала внука Димку, которому шёл седьмой год, и руководила детской балетной студией «Аврора». «Келбет» – в переводе с казахского – стройная, статная. «Как так, – частенько думала Тая, – откуда они знали, когда давали имя, там, в своей казахской деревне, что из младенца вырастет такая...» Высокоскулую, с тонким овалом лица и точёной шеей, пятидесятисемилетнюю соседку несколько не портили ни смуглая кожа, ни морщины. По лестнице она взлетала, никогда не глядя вниз, будто и не касаясь ступеней, – лёгкая, стремительная. Ногу в вертикальном шпагате поднимала со смехом, моментально и без напряжения, по первой Тайной просьбе, благо под юбкой ли, под халатом, всегда было чёрное балетное трико до середины бедра. Запойный персонаж с четвёртого этажа – Коля Бармалей, завидев её на лестнице, каждый раз почтительно останавливался и начинал специальным рокочущим голосом декламировать, мотая в такт седой кудрявой головушкой:

Так идёт – что ветки зеленеют,
Так идёт – что соловьи чумеют,
Так идёт – что облака стоят...²

Он и прозвал её Прекрасной Казашкой. И все приняли, потому что Бармалей – человек искусства, работник филармонии; играет на бас-балалайке в ансамбле народных инструментов «Матрёшка».

Самой странной фигурой в подъезде оказалась Ася с третьего этажа. Просто Ася, лет так сорока пяти. Затейливо корявые косолапые ноги, чёрная метла конского хвоста, огромный приплюснутый нос. На нижнюю часть лица лучше бы не смотреть совсем. Рот, когда она говорила, напоминал шевелящуюся сталактитовую пещеру. Зубы обломаны так причудливо – два передних центральных достаточно высоко, потом боковые резцы чуть пониже, острые клыки уже нормальной длины. Обломки торчали в виде забора, перевёрнутого вверх ногами и выгнутого дугой. Внутри пещеры беспомощно болтался толстый неуклюжий язык. Звук «с» у Аси не получался. Чтобы его выговорить, она засовывала язык куда-то вверх, к небу. Получалось что-то вроде «тт».

На первом этаже проживали Клавдия Елистратовна и Владимир Ефимович.

Клавдия Елистратовна Асю презирала. Когда приходилось контактировать по неизбежным подъездным вопросам,

² *Васильев П. Н. Стихи в честь Натальи.*

делала лицо тяжелобольной, и было ясно, что сам факт Асиного существования оскорбляет в ней женщину, человека и птицу высокого полёта одновременно.

Клавдия Елистратовна работала в буфете обкома партии, имела мужа военного пенсионера, старинную причёску под названием «бабетта» и бирюзовый кримпленовый костюм. Тая всегда со священным ужасом смотрела на огромный приглаженный стог, царственно венчавший её голову; зимой он казался ещё больше из-за малиновой мохеровой шапки, которая аккуратно натягивалась на сооружение из волос, а всё остальное – лоб, уши, затылок оставались неприкрытыми. «Что греет шапка? Волосы?» – этот дурацкий вопрос маленькая Тая задавала себе каждый раз, когда видела Клавдию в зимнем наряде, но спросить кого-то, хоть бы даже и маму, стеснялась. Не стыдно было спрашивать только у Димки. Но что Димка в таких вещах мог понимать? Хотя где-то соображалка у него работала. Ох, работала!

Как-то раз в начале лета, ранним вечером, в их дверь тихонько стукнула Ася. Мама открыла и даже не успела поздороваться – соседка прижала палец к губам и шепнула:

– Алевтина! Иди... Покажу чего.

У мамы сразу сердце ухнуло в живот. Следом за Асей она на слабеющих ногах спустилась со своего этажа на один пролёт лестницы, потом на половину второго... Спинной к ним, перед дверью сановной буфетчицы и её мужа, стояли Димка с Таей. Димка, встав на цыпочки, жал кнопку звонка.

Мама оглянулась.

— Т'мотри, — еле слышно сказала Ася и ощерила свой жуткий рот в улыбке.

...Дверь открыли вдвоём — муж и жена.

— Клавдия Глист'гатовна! Владими'г Фифимыч! — привычно загундел Димка. — Дайте, пожалуйста, колбаски...

Лицо Клавдии скукожилось, как от лимона. Она втайне гордилась своим изысканным отчеством, а не друживший с логопедом Димка ронял его с пьедестала, потому что в «Глистгатовна» совершенно явно слышалась глиста. «Фифимыч» быстро смотался на кухню и с напряжённой улыбкой выдал просителям два тоненьких кружочка твердокопчёной колбасы.

Дверь захлопнулась. Дети сиганули через три ступеньки на улицу, а у мамы подкосились ноги. Она села прямо на лестницу.

— И вот так — т'то раз на дню, — вкрадчиво произнесла Ася со счастливой улыбкой.

...У мамы случился сердечный приступ. Она лежала в соседской квартире на кухонном диванчике с валидолом под языком и, не отрываясь, смотрела на Таю. Тая с ума сходила от этого взгляда.

Прекрасная Казашка кричала на высокой ноте:

— А вот пусть!.. Так им и надо!.. Сволочь буфетная! Не стоило тебе, Аля, соваться! Пусть бы всё лето за колбасой шлялись! Нечего выдрючиваться перед детьми своим дефи-

цитом!

Димка тоже вносил посильные объяснения:

– Алевтина Ивановна! Не гасст'гаивайтесь! У них п'гавда много! – И показывал руками сколько. – Я видел... На кухне, над газом, так... (он показал как) висят. Там пять... или семь. – Димка задумался и виновато добавил: – Пахнут...

Тая тоже видела эти колбасы. В тот первый и единственный раз, когда они с Димкой были приглашены в заветную кухню. Их подробно расспросили – о маме, бабушке, папах, вскользь о Таинных оценках, угостили злополучной колбасой и мармеладом «Лимонные дольки» из круглой картонной коробки. Колбасные батоны притягивали взгляд. Они висели над плитой, на газовой трубе, длинной шеренгой, благородного красно-коричневого цвета, до блеска натёртые растительным маслом... И в самом деле пахли упоительно.

Стыдно, гадко было стоять переминаясь каждый день перед соседской дверью, но воспоминания – вкусовые, обонятельные – выворачивали нутро. Очень хотелось колбаски.

...Мама отлёживалась часа полтора. Потом они вернулись в свою квартиру, и Тая решилась наконец просить прощения.

– Мамочка, – робко вздохнула она, тронув маму за рукав.

Мама тяжело села на табуретку, повернула Таю к себе лицом, долго смотрела ей прямо в глаза, а потом проговорила, с трудом выталкивая слова:

– Нельзя... никогда. Знаешь... нам это *не положено*.

Тая поняла сразу. Не стала задавать вопросов. Кем не положено, почему. Не положено – и всё. Сухая колбаса, лимонные дольки, торт «Птичье молоко», немецкая кукла Эльза, японский зонтик «Три слона» – *не положено*.

А что положено? Работать. Учиться в школе. Гонять с Димкой по двору. Пить чай с сушками «челночок» у Прекрасной Казашки. Ветчинно-рубленая за три пятьдесят кило, разваренная в скороварке. Серый холодец из кулинарии (в ехидном просторечии – «сиськи-письки»). Кофта-лапша. Габардиновая юбка. Ещё положено: «За апельсинами не заниматься – заканчиваются!», «Слезьте с подножки, троллейбус не резиновый!», «Быстро выходим убирать двор – что ж, что выходной, не баре, не развалитесь!» И они послушно не занимали, и слезали, и выходили...

Иногда было просто невыносимо. За гранью воображения.

Зима. Тая в пятом классе. В большой комнате на потолке, вокруг трёхрожковой люстры (у них уже появилась люстра), вдруг начало разрастаться странное желтоватое пятно с коричневым ободком. Оно было не очень явным, с потолка не капало, но, к маминому беспокойству, постепенно всё же увеличивалось, меняя конфигурацию. И главное, было непонятно, откуда там может быть вода – наверху ведь тоже комната, не кухня, не ванная. Батарея далеко, у окна, а пятно в центре.

Всё разъяснила опять же Ася, зашедшая «по делам». За-

драв свой толстый нос кверху и не слушая маминых версий о том, откуда вода, она просто и спокойно объяснила:

– Это Виталька. Т'тыт.

– Что?.. – севшим голосом пробормотала мама и привалилась к стене.

– Т'тыт, – подтвердила Ася. – Напьёт'тя и т'тыт.

Подумала и уточнила:

– У него там т'тул т'тоит. У телика.

– А что... надо делать? – еле слышно спросила мама.

Ася пожала плечами и повернулась спиной.

Мама, хватая воздух ртом, смотрела, как черногровая пифия, загребая своими корявыми ногами, споро ушлёпывает из квартиры, оставляя её наедине с осознанием того, что кто-то совершенно спокойно сидит наверху и нагло «т'тыт» прямо им на голову...

Мама впала в суточное оцепенение, совершенно не понимая, каким образом можно апеллировать к совести сантехника Витальки, находящегося в состоянии алкогольной комы всегда. Но тут, видимо, вмешались высшие силы и послали участкового, который скоренько оформил хозяина верхней квартиры в лечебно-трудовой профилакторий.

...Тая до сих пор помнит этот неистовый ремонт потолка. Мама готова была не спать, не есть, а день и ночь сдирать застарелые слои штукатурки со следами мерзкого пятна. Всеми ножами, которые нашлись в доме, какой-то плоской лопаточкой... Сил хватило только на то, чтобы отчистить овал

вокруг люстры. А надо было ободрать весь потолок. Потом ещё размывать, белить в несколько слоёв... Короче, нанимать маляров пришлось срочно, платить им «по запросу». Все скопленные деньги улетучились в момент, а вместе с ними и мечта о диванчике-малютке для Таинной комнаты.

Вообще с деньгами частенько выходило достаточно нелепо. Мама ещё не успела отойти от предыдущей истории – когда неугомонный Димка красиво, квадратными буквами, нацарапал гвоздиком на передней двери соседской экспортной «Лады» нежно-голубого цвета слово «*Жагули*». Не из хулиганства, конечно, а, видимо, в благодарность за колбасу и лимонные дольки. Траты на ремонт двери Аля разделила с Прекрасной Казашкой поровну, потому что Тая, конечно, при сём художестве присутствовала, хотя в процессе создания надписи участия не принимала. Мать и бабушка долго выясняли, почему это Тая не удержала младшего товарища от необдуманного поступка. Тая молчала, упорно разглядывая свои тапки, а сама думала о том, что, господи, разве можно Димку от чего-то там удержать, когда он уже принял решение? Сами не знают, о чём говорят.

Ну и всегда в таком же роде. Поэтому, конечно, откуда они, деньги? История с «*Жагулями*» лишила маму возможности исполнить Таину мечту – купить на день рождения кроссовки. Нет-нет, не «адидасы» какие-нибудь, конечно, и не «ромики», а хотя бы корявое изделие со следами клея на швах, на негнущейся полиуретановой подошве в ларьке

местного кооперативного царя Славы Гургелии. Но Золушка не мечтала так о хрустальных туфельках, как Тая об этих жёлто-полосатых утюгах. «Колбёги – сокрушённо роняла мама смешное бабушкино слово, – а стоят...» А дочка смотрела умоляющими глазами и улыбалась.

И вот теперь материальное благосостояние семьи было разрушено до основания, мама проплакала всю ночь, а утром... Утром на кухне Таю ждал ошетилившийся распиленной на одиннадцать частей церковной свечкой роскошный наполеон от Прекрасной Казашки, любимые ёжики с рисом (тоже не частое лакомство на их столе) и... розовая бумажка с вырезанными фестончатыми краями, свёрнутая вчетверо. На бумажке было написано: «кроссовки». Это был подарок-обещание, Тая поняла это и была счастлива, потому что точно знала – мама своё слово сдержит, ценой неизвестно каких усилий, но сдержит. Не так-то легко раздавала она обещания.

...Кроссовки мама купила, конечно, а с ними в жизнь Таи вошёл спорт. Ну какой спорт? Маленький, школьный, конечно. Спортивная секция по лёгкой атлетике, которая потом ни во что серьёзное не вылилась, но жизнь Тайну поменяла радикально.

Потому что вместе со спортом в её судьбе появилась Клубника.

– Жувачка!

– Ой!

– Жу! Вачка!

– Ой! Это откуда ж... такая?

– Папа! Папа привёз! Из Москвы! Из олимпиады!

– Ишь ты! И чего ж её – едят?

– Жуют! Я жувал!

– А потом?

– А потом опять. И Жене дал!

– Да тьфу, гадость какая! Иди-иди, поиграй... Побёг. Видали, бабы?

– Видали.

– А ещё видали, как фургоны на Москву, эти холодильники? Гонят, гонят. С Бердышевского, между прочим, мясокомбината. Тушами, тушами! И колбаса копчёная – палками. Чтоб они подавились там, в Москве своей, на олимпиаде своей!

– А обратно, чтоб пустые не гонять, – с мороженым. Хоть внуки наши мороженого хорошего поедят! А колбасы сухой – мы её и так в магазинах сроду не видели.

– Мороженое... Сыт не будешь, щи не сварешь. Эта... «Лакомка»-то! Двадцать восемь копеек. Не купишь! А они кланчат. Геночка, как придёт: баба, купи! Я ему: какое, вну-

чок? Фруктовое, по девять копеек? Ну хоть пломбир по девятнадцать? Не-ет, говорит, баба, лакомку хочу! И лезешь в карман, а куда деваться!

– А ты б хотела внука – фруктовым травить? Сама-то проговорила? Вода сладкая! Химия одна.

– А жувачка эта? Не химия?

– Да хватит вам! А олимпиада, что ж... На весь мир! Праздник для всех народов. Как Мишка плакал, видели? И все на трибунах плакали. И во всех странах.

– Скоро не так заплачем. Жрать совсем не будет. Чёрт бровастый, пердун старый! И Политбюро всё, такие же.

– Да... Ленин в гробу ворочается. Он совсем не такое хотел. Частушку слышали: «Встань, Володя, открой глазки, в магазинах нет колбаски!»

– А я так скажу. Не Ленина – Сталина на них нет! Сталин – всех бы тут...

Ах, какую счастливую жизнь прожила Тая в младших и средних классах, в новой школе, уехав из отцовского дома! Они пришли туда вместе с мамой: Тая со второго полугодия села за парту 1-го «Б», мама – в приёмную к директору, секретарём. Отчаянное бегство от измучившего их пьющего родителя, накрепко притянуло друг к другу двух женщин: маленькую и большую – они хотели быть всё время рядом;

только так, видимо, чувствовали себя в полной безопасности.

Маленькая, милая, улыбочивая Алевтина Ивановна совершенно изменила саму атмосферу второго этажа, где находился кабинет директора. Филин Юрий Еремеевич, директор, кличку, соответственно, имел Фюрер и необуздан был страшно; чуть что – глаза выкатывал и начинал орать, не слушая никаких оправданий. Но, правда, и отходчив.

Мама Аля не ходила по школе, а бегала мелким беготком, вызывая учителей из классов по срочным вопросам или хулиганов-двоечников на проработку. Пока вела, похлопывая по спинке, успевала быстрой негромкой скороговоркой проинструктировать, как себя вести: «Стой, глазки опусти, не пререкайся...» Слушали и поддавались все, даже самые отпетые. Угадывали в ней искреннее тепло и сочувствие.

Уже сама манера вводить в кабинет провинившихся действовала на директора успокаивающе; в дверь просовывалась гладко причёсанная головка с круглой гребёнкой на макушке, лицо озарялось улыбкой:

– Юрь Еремейч, Костя Кандауров пришёл! Вводить?

И ласково подталкивала шельмеца, обнимая за плечи, чего-то приговаривая... А Фюрер уже и остыл. Так, рывкнет для острстки – и всё.

Таин 1-й «Б» прятался на первом этаже под лестницей, к нему имелись своя маленькая рекреация и отдельный вход с улицы. Замкнутый, уютный, крошечный мирок. Учительни-

ца попалась прекрасная – молодая, спокойная, наблюдательная, любящая детей и профессию.

И Тая пришлась ко двору. Эта негромкая маленькая девочка ничего такого особенного не делала, даже руку никогда не поднимала: ждала, когда спросят. Не стеснялась, а просто не хотела мешать высказываться остальным. Слушала. Уж что-что, а это у неё хорошо получалось. И один на один, забывая о своём, так растворялась в собеседнике, что каждый понимал: она думает о твоих словах и не забудет, стоит только отвернуться. Ну и конечно, тайны хранить умела.

Она походила на тюльпанчик: ровно подстриженная чёлочка до бровей и каштановые прямые волосы почти до плеч, упрямо заворачивающиеся внутрь. Глаза цвета молочной шоколадки. Овальное серьёзное личико.

Тая Каретникова просто излучала спокойствие и доброжелательность. Учительница Татьяна Николаевна диву давалась. Может ли семилетний ребёнок быть таким по-взрослому мудрым – задавала она себе вопрос. И не находила ответа. Учительница не знала о Тайной второй жизни во дворе. О Димке. О его сумасшедших прожектах, при которых Тая всегда присутствовала. Потому что по-другому с неуправляемым Димкой было нельзя – так ей казалось.

А в школе всё что ни делала – было на пять и с удовольствием. Учила уроки, отвечала заданное, раскрашивала картинки на перемене, выслушивала одноклассников, склонив

головку набок... Её невозможно было не полюбить.

И любили всем классом. На перемене у парты Каретниковой было не протолкнуться.

Мальчики! Ладно, Андрюша Мышь – бессменный сосед, тихий отличник, посылающий маму каждую четверть умолять учительницу не пересаживать его к другой девочке. Но ведь и все остальные туда же.

Двоечник Зрянкин. Как-то в очередной раз не сделав домашнее задание, даже не стал дожидаться привычного вопроса почему. Рванул рубаху у ворота и крикнул на высокой ноте:

– Любовь эта! Ничего делать не даёт! Спать – не сплю ночами, хоть у мамки спросите!..

И головой на Таину парту показал:

– Из-за неё...

Тая сидела ни жива ни мертва. Класс тоже примолк, затаил дыхание: все смотрели на Татьяну Николаевну... А она схватила за чем-то указку со стола, пробормотала: «Сейчас, посидите тихо», быстрым шагом вышла за дверь, прислонилась к стене и минуты две тряслась в беззвучном смехе, сжимая в руках отшлифованную деревяшку и вспоминая попутно, какой же это старый фильм вчера по телевизору показывали? «Девчата»? «Весна на Заречной улице»? Так и не вспомнила.

За дверью царило гробовое молчание. Отсмеявшись, учительница вошла в класс, рассеянно кивнув в сторону Зрян-

кина:

– Садись, Коля. И помни, пожалуйста: любовь к Каретниковой не даёт тебе права не делать домашнее задание. Двойка.

И немедленно перешла к теме урока.

А классная жизнь потекла дальше, как лёгкая лодочка по безопасной реке. Удивительный класс! Не отличники-двоечники, а дружная семейка. Ничто и никто не вызывал отторжения, насмешек, высокомерия. На переменах хохотали до колик, на продлёнке был упоительный, полётный, бесконечный «чай-чай, выручай!» под школьными тополями; на смотре строя и песни все поголовно стояли в белых колготках и бумажных киверах, изображая гусар. И каждый ощущал гордость и единство строя. Никто никогда не прикрывал диктант локтем от соседа. Не шуршал бумажками от шоколадок, спрятав руки под парту.

А вот бывают такие классы.

В средней школе стало, конечно, уже совсем не то. Без Татьяны Николаевны. Но класс всё равно не потерялся. Он не был звёздным, успеваемость оставляла желать лучшего, но сохранился тёплым, дружелюбным, с мощной взаимовыручкой... И так до девятого. Приходили редкие новенькие, но они погоды не делали.

Да, именно так и было. До девятого класса. До Клубникиной.

– Таюша, подожди. Мне надо с тобой поговорить.

– Да я никуда не тороплюсь, мамочка...

– Ох, Таюша. Не знаю, как сказать... Что там вокруг тебя происходит?

– Ничего... Вокруг меня – ничего.

– Таюша, я должна тебя серьёзно предупредить. Ох, не знаю как... Понимаешь, так случайно может случиться... Тебе может показаться... Ну в общем, когда ты понравилась какому-то мальчику... одному. И ещё кому-то. И даже нескольким. То ты не должна думать, что это оттого, что ты лучше всех!

– Я не думаю, мамочка...

– Ты не лучше всех, Таюша. И не красивее. Ты такая же, как все.

– Да. Я...

– Таюша... Не плачь только. Просто запомни. *Ты такая же, как все.*

...

Кроссовки были куплены не зря.

Тая мечтала о легкоатлетической секции.

Тренер приходил прямо в школу к шести часам вечера по средам и пятницам.

Щебетливая пёстрая стайка девчонок порскала с одного конца стадиона к другому: то к яме с песком для прыжков в длину, то к старту бега на четырёста, то на разминку к футбольным воротам...

От избытка молодости, весёлых сил, юной энергии они передвигались только бегом: резко, все вместе, брали со старта и стремительно, как конфетти из хлопушки, выстреливали разноцветным косячком к заданной точке. Сзади не спеша шёл слегка раздосадованный тренер и время от времени резко фрякал в свисток.

Тае почему-то очень хотелось, так хотелось в секцию! Она столько раз наблюдала за спортсменками из окна школьного коридора, дожидаясь маму; столько раз вместе с ними, выстроившимися в длинную живую ленту, мысленно огибала стадион, взлетала спиной вперёд над лёгкой перекладиной...

Учительница физкультуры не советовала.

– Лошадиный спорт, Тася, – убеждающе покачивала головой она, – ну не для тебя. Давай-ка лучше на гимнастику...

Тренер Трофим Филиппыч был более категоричен:

– Шестьдесят метров с попутным ветром. Максимум. Смысл, Каретникова?

Тая сама не понимала, какой в этом смысл. Просто очень хотела, и всё. Туда, к ним, к этим весёлым, праздничным со-

зданиям, передвигающимся то ловким подскоком, то приставным боковым шагом, то гусиным – на корточках...

Мама тоже была против. Она боялась всего – вдруг Тая споткнётся, упадёт, расшибёт коленки; сильно вспотеет, на ветру переохладится, простудится; летя в прыжковую яму, подвернёт или сломает ногу; столкнувшись с кем-то в оголенном бешеном беге, получит сотрясение...

Пришлось настоять на своём и тихо пойти наперекор всем протестующим. В первый раз она хотела и получила что-то только для себя, исполнила личное желание. А до этого... Да что там говорить!

Учиться хорошо надо было, чтобы не огорчать учителей (отдают все силы и здоровье), а также государство: оно вообще делает всё для своих маленьких граждан. Надо об этом помнить и соответствовать. Надо мыть пол после уроков в классе, держать в чистоте парту, мести и убирать школьный двор; участвовать в конкурсах и олимпиадах (желательно занимать призовые места) – школа имеет право тобой гордиться. Поэтому её учащийся должен. Надо слушать жалобы и хранить секреты одноклассников, а то тем, кто жалуется и секретничает, будет тяжело в одиночку. А также ободрять, утешать и давать списывать. Надо неусыпно присматривать за Димкой, иначе Димка вляпается в какую-нибудь историю и тогда что же будет с Прекрасной Казашкой? Надо изо всех сил стараться не огорчать маму, чтобы, не дай бог, кто-нибудь в учительской прямо с порога не начал: «А вот твоя се-

годня...» И мама будет лежать как убитая на диване, и смотреть в стенку, и вздыхать, и капать валерьянку в чашку с незабудками и сколотой ручкой.

Тая была почему-то уверена, что в секции никто не будет ожидать от неё больше того, что она может дать.

Так и получилось.

Она летала свои коронные шестьдесят легко, с восторгом, просто ради того, чтобы лететь. Сто давались уже тяжелее, потому что появлялось время подумать, услышать тяжёлое дыхание догоняющих – сбоку и сзади. А это был ужас. Надо бы собраться, наддать и оторваться от преследования, а вместо этого в Таинной голове метались мысли: зачем? соревноваться, быть первой? что это для неё изменит? ведь тогда кто-то будет последним? Мысли путались, скакали, Тая расстраивалась.

И проигрывала вчистую.

Она, сжавшись в комочек, перетерпела первоначальные беседы с Филиппычем: «Каретникова, спортивную злость и волю к победе никто не отменял! Спорт – это борьба!» – а потом и он махнул рукой.

О беге на длинные дистанции не могло быть и речи. Для хорошего прыжка в длину ей не хватало силы толчка. Прыжок в высоту не давался, потому что Тая элементарно трусила лететь слепым затылком вперёд неизвестно куда: у неё в полёте леденела спина, становясь плоской доской. Где там красиво изогнуться и взмыть над планкой! – та звонко вали-

лась и издевательски скакала по матам, как будто специально желая привлечь внимание к коряво выполненному прыжку.

Да и данных для лёгкой атлетики, честно говоря, никаких не было. Только невесомое тело, и всё. А так – маленький рост, худенькие, хоть и длинные ноги. Слабенькая дыхалка. И конечно, характер. Соревновательность была не просто в зачаточном состоянии и не на нуле даже, а в минусе, если такое вообще возможно.

А как здорово было! Одни девочки. И не из класса, а со всей школы и даже из соседних. И младшие, и старшие, двадцать четыре человека. Очень хорошие девочки – умницы, отличницы-хорошистки. Ловкие, целеустремлённые, выносливые. Симпатичные все как на подбор. Независимые, гордые.

Они ничего не хотели от Таи, их не надо было опекать, протягивать руку помощи, они всё умели сами. И её принимали открыто, дружелюбно. Её шестьдесят в командных соревнованиях, сто в эстафете. А на остальное не обращали внимания.

Девчонки заражали её солнечным коллективным удовольствием от общей разминки, бега, игры, просто от ловкости и гибкости юного тела, послушных ног, скорости, ветра в лицо. Тая чувствовала себя чуть-чуть гадким утёнком в стае белоснежных царственных птиц. Но сами они принимали её на равных.

...Самым прекрасным лебедем была, конечно, Клубники-

на.

– И вы – сдрейфили сразу! Да я б...

– А мы ж мальки ещё были, четвёртый класс! Сидим такие. И – страшно, да. Прямо посередь сеанса: «Граждане, просим сохранять спокойствие». И – свет. И – пошли такие, по рядам.

– А чего, детский сеанс был?

– Не-е, на одиннадцать часов, какой детский? «Бродяги Севера» – ни в жизнь не забуду.

– И – прямо? Мусора?

– Ага. Мусора. Дружинники. Бабка одна из детской комнаты. Сразу – к нам. Ребятки, почему не в школе? Крыса. А у нас, слава те господи! – вторая смена. Но всё равно в школу звонила.

– А остальные?

– Документы. Шмон. Почему в рабочее время? Страшно-вато вообще. Один мужик их – идите вы на ...! Ну они: щас пойдём. Только вы, гражданин, с нами. И – ласть ему, и с собой!

– Во! Андр-роповщина. Вовремя кони двинул, а то бы!

– Ага, ребя! Тогда – кирдык. И в кино не свинтишь, а не то что...

Как это ни удивительно, самыми счастливыми в Таинной жизни были именно те дни. Беззаботно-сумасшедшие. Полные смеха без причины – пальчик покажи! – девичьей дружбы, взахлёб и такого крепкого взаимного притяжения, что дух захватывало.

Все её школьные подруги – оттуда, из этих чудесных дней. Долговязая нескладная тихоня Соня Кноп, и умница Ирина Городецкая, и Лариска Вострикова, конечно. Они подружались там, в легкоатлетической секции, хотя учились в одной школе, на одной параллели – только девчонки в «А», а Тая в «Б» классе.

Ни одна тренировка не проходила без восхитительной болтовни в раздевалке (Тая, конечно, в основном слушала), общих секретов для пары десятков любопытных ушей, уморительных случаев и приключений на школьном стадионе. Особенно когда на поле появлялись футболисты.

...В тот день в конце августа девочки впервые встретились друг с другом и с тренером перед самым началом учебного года. Тая шла в восьмой класс.

Они бегали в кабинет врача на медкомиссию по пять человек, немножко разминались, радостно щебеча и обнимаясь друг с другом и с Филиппычем и дополучая из его рук не выданные кое-кому грамоты за участие в городских и об-

ластных соревнованиях.

Футболисты влетели на стадион мрачной стремительной тучей. Тогда они казались Тая до странности одинаковыми: коротко стриженные, коренастые, одетые в какое-то рваньё, со свирепыми лицами. Весь цвет класса: Калдохин, Минц, Лихоманцев, Коробчук... Впереди катился Колбасьев, да так резво, что, казалось, ног, нёсших его тугое приземистое тело, было куда больше двух. Пацаны появились не для того, чтобы играть в футбол: тренировки в дни легкоатлетической секции проходили на территории хоккейной коробки, сбоку от здания школы, – а для каких-то земляных или подсобных работ. Позади них шла Галина Петровна со свистком и коротким приказом:

– Закапывайте, – и указала рукой куда-то в сторону школьного гаража. – Раздай лопаты, Колбасьев!

И Тая с ужасом наблюдала, как тот их «раздавал». Колбасьев хватал тяжеленные заржавленные совки с корявыми занозистыми ручками и швырял, не глядя, в сторону какого-то из своих товарищей. Страшный снаряд летел куда попало, прямо в грудь, а то и в голову принимающего. Но пацаны небрежно, легко, ловко и точно – чвак! – смыкали пальцы на черенке, и вот уже обломки штукатурки, дранки, мелкие камешки и серая земля летели в яму, ловко подброшенные лопатой.

Тая их совсем почти не знала, этот «Г» – класс футболистов, хотя учились все на одной с ней параллели.

Одни мальчики. Спортивный класс. На переменах увидеть их было невозможно: футболисты узурпировали право занимать спортзал и играть там в мини-футбол, безбожно опаздывая на уроки. Бесконечные жалобы учителей на опоздания гэшек Фюрер игнорировал: понимал, что если лишить чуму в гетрах спортивной площадки, в футбольное поле превратятся школьные коридоры, а в мяч – любые окружающие предметы, и тогда... Ясно без слов.

Класс, конечно, по школьным меркам, маленький – двадцать пять человек, и школа не задавалась целью набрать только мальчиков. Можно было и девочек, просто никто из родителей не решился отдать в «Г» свою дочку. Да и сами девочки желанием не горели.

Так и остались футболисты одни. Классным руководителем оказалась Галина Петровна и, надо сказать, держала ребят в чёрном теле. Она знала секрет: активным здоровым пацанам ни в коем случае нельзя давать ни секунды передыху. Поэтому на переменах они играли в футбол, после уроков бесконечно драили класс или «что там ещё помыть нужно», а если выпадал свободный урок, таскали парты, какие-то доски и «что там ещё перетащить нужно», чем завоевали стойкое расположение школьного завхоза.

– Только, – предупреждала его Галина Петровна, – одно условие: дал задание – стой рядом, наблюдай за процессом. Контроль. Никаких отлучек!.. Иначе... Вон, Юрь-Палыч, на трудах своих. На одну минуту за веником в коридор вышел.

А эти дураки взяли – все стамески через фрамугу на улицу перекидали – и стоят, не знают, что дальше делать. Зачем? Нет ответа. Стоят, вздыхают, с ноги на ногу переминаются. Так что сами понимаете.

...Пока футболисты забрасывали землёй и строительным мусором широкую траншею перед гаражом, девчонки всю веселились. Они уже знали всех по именам, разглядывали их вспотевшие, перемазанные землёй лица, перешёптывались. В общем, занятие пошло практически насмарку. Их тренер не мог дождаться, когда эти окайнные работы закончатся.

Пацаны работали быстро и слаженно, не обращая ни на кого внимания. А может, только делали вид. И не стоила бы эта история выеденного яйца, если бы не произошло крошечное событие, положившее начало цепочке других, которые...

Как раз к окончанию девчачьей тренировки траншея была успешно зарыта. В драных трениках и грязных футболках с растянутыми воротами «строители» вышли из-за гаража и вдруг вразнобой стали исполнять какой-то диковинный танец под одну только ими слышимую музыку, видимо отмечая долгожданное окончание рабства.

Минц, присев на корточки, пилил гусиной походкой, изредка выбрасывая вперёд тощие ноги; Жорка Собачников, отклячив зад и согнув колени, – тыц-тыц, – ритмично дёргал головой взад-вперёд, в такт двигая выставленными перед собой указательными пальцами; Колбасьев, прижав к себе во-

рох лопат, кружился в ритме вальса – раз-два-три, – одновременно выделявая ногами странные движения, напоминающие танцевальное па «голубцы» из украинской пляски гопак. Калдохин двигался червяком – падал на землю на вытянутые руки, скользил пузом по чахлой стадионной траве, вскакивал на ноги, падал опять и повторял всё по новой.

Девчонки так хохотали, что Лариска поперхнулась леденцом, а Тая села мимо скамейки.

Она лежала на земле на боку, задохнувшись от неожиданности, как вдруг увидела над собой склонённое лицо и дружески протянутую руку. А ещё – весёлые серые глаза и милую открытую улыбку. Тая несмело вложила в протянутую ладонь свою, и мальчик помог ей подняться. А потом ещё раз улыбнулся, повернулся спиной и зашагал к ватаге футболистов. Худенький, стройный, словно натянутая струна.

Тая видела его впервые, а девчонки знали.

Это был Саша Мережкин.

– Галина Петровна! Галин... Стойте! Подождите. Я! Должен с вами серьёзно поговорить!

– Неудачное время, Тимофей Данилыч. До начала урока – ровно пять минут.

– Я... Вы... Как вы посмели со своими...

– Что-о? Я вообще-то многое смею, Тимофей Данилыч.

Мы с вами сто лет рядом работаем, могли бы и заметить.

– Военизированная полоса!.. Элемент патриотического воспитания школьников! Как вы... Зачем вы зарыли окоп?

– А вы кого спрашивали, когда его там копали? Эта ваша траншея прошла по сектору подачи углового удара. Территория футбольного поля! Что с этим было делать?

– Это... это неслыханно!.. Бесперцен... беспренцендентно! Годовой план работы по патриотическому... утверждён партийным бюро! Так... Так! Я, как секретарь партийной организации, вызываю вас на внеочередное заседание партийного бюро!

– Вызывает он... А вы не забыли, Тимофей Данилыч, что я вообще не член? Вот этого всего, куда вы меня вызываете?

– Как это, что за слова? Вы... вы кто такая?

– Я? Галина Петровна Романцова, учитель физкультуры. А вы – Тимофей Данилович Пряников, преподаватель начальной военной подготовки. И у вас конфликт не со мной, а со школьной сборной по футболу. И дети готовы написать в «Пионерскую правду».

– Дети? А-а-а!.. Как будто! Они! Умеют писать! Эти ваши... футболисты!

– Держите себя в руках, Тимофей Данилыч. Умеют, не сомневайтесь. И проверять – не советую.

А ещё была просто жизнь. Жизнь, вне школы почти полностью посвящённая Димке. Мама не то чтобы не препятствовала, а и сама выпроваживала Таю, как только он своим ободренным ботинком начинал колотить в их дверь. Таина родительница вместе с Прекрасной Казашкой возлагали большие надежды на то, что дочкино хорошее поведение, отличная учёба и другие положительные качества в конце концов привьются её младшему товарищу. Как БЦЖ. Ведь если постоянно воздействовать на сознание, пускай и в микродозах, то должно же когда-нибудь...

Димка был на класс моложе и учился в другой школе, поэтому хотя бы в учебное время «вакцинация» не производилась. А во внеучебное её хватало с лихвой.

Дружить с Димкой Мятликом было очень интересно, несмотря на его сопливый возраст; убивало то, что всегда приходилось быть начеку.

Во-первых, Димка обычно сначала делал, а потом думал, а во-вторых, от первоначально задуманного его ничем нельзя было отвлечь: то, что наметил, старался осуществить любой ценой. И начхать ему было, как это воспримут окружающие.

В-третьих, он ни с кем не боялся вступать в противоборство. Легко! Не имели значения ни возраст, ни серьёзность намерений, ни количество врагов. Он запросто был готов

ввязаться в войну с целым миром, если посчитал бы это необходимым.

Димка был ангельски красив. Буйный, нестриженный стог блестящих, цвета соломы волос причудливо вспархивал над ним как бы независимо от хозяина, когда тот активно тряс или мотал головой. Под пшеничной чёлкой горели – иначе не скажешь – до оторопи синие глаза. Густо-синие. Горькие – как раз и навсегда определила для себя Тая. Потому что точь-в-точь такого цвета росла горечавка в палисаднике их старого дома. А бабушка называла этот цветок по-старому – горчанкой...

Тонкий прямой нос. Приметная, чуть отогнутая, как лепесток, нижняя губа и густящие, длинные, пушистые ресницы. Димка их ненавидел.

Прекрасную Казашку частенько навещали постаревшие служительницы театральной богемы: бывшие балерины, актрисы местного театра на возрастных ролях, концертмейстерша, совсем старенькая регентша церковного хора... Ну и конечно, они сюси-пусили, тискали маленького Димку до тех пор, пока он каким-то внутренним чутьём не научился предугадывать эти визиты и сматываться из дома задолго до появления гостей.

Один раз, когда учился в третьем классе, не успел. Богемная банда ввалилась в квартиру неожиданно, без предупреждения, решив продолжить у них с бабушкой празднование чьего-то юбилея. Вместе с охами-чмоками дом немедленно

наполнился запахом щекочущих нос духов, сухим стрекозиным потрескиванием кружевных митенок, звяканьем тяжёлых старинных колец о фарфоровые чашки, раскрашенные сине-золотой сеткой.

Димка затаился до поры в своей норке. Поняв, что неожиданные гости уселись надолго, постарался просочиться через проходную комнату, где изрядно разогретые артистические бабки чокались крохотными рюмочками с вишнёвой наливкой.

Опля!.. Первая же от двери стремительно повернулась и ловко схватила его, втолкнув в общий круг, к журнальному столику, на котором было накрыто угощение. Цепкие старческие пальцы надёжно притянули к телу его локти, лишив возможности сопротивляться. Все повскакивали с мест, обнимали, вертели его, ерошили волосы... Одна, самая противная, с губами, похожими на крошечный смятый обрезок алого шёлка, упёрлась ледяным пергаментным пальцем с острющим ногтем в мальчишеский подбородок и принялась поворачивать лицо туда-сюда. Ах, какие ресницы!

– Это же Ке-ру-би-но, – запела она, – вы-ли-тый Керубино...

Димка не знал, кто такой Керубино, ему послышалось что-то вроде херувима, и это было последнее, что он смог терпеть. Тяпнуть зубами пергаментный палец помешало отвращение к сморщенной лягушачьей лапке, но вывернуться из старушечьих объятий он всё-таки смог и, за секунду упра-

вившись с замком, уже барабанил тапком в Таину дверь, повернувшись к ней спиной. Тая этот отчаянный стук знала – нельзя медлить ни минуты – и поспешно распахнула дверь.

Мамы дома не было; Димка, роняя тапки, проскакал в Таину комнату и рухнул за её старенький письменный стол, отданный им забесплатно школьным завхозом. Точно зная, что и где находится в небогатом её хозяйстве, с треском выдвинул верхний ящик, выхватил ножницы и, пошарив рукой у дальней стенки ящика, карманное зеркальце, чуть больше спичечного коробка.

Шипя как змей, оттопырив нижнюю губу, он, положив зеркальце на стол и низко склонившись над ним, принялся состригать ресницы. Замерев у двери, Тая боялась пошевелиться и тупо смотрела, как палец с обгрызенным ногтем нажимает на верхнее веко, и лезвия поддевают краешки опасным концом, почти царапая щёку, и остро щёлкают, и сжатые зубы cedят воздух...

Обкорнал он их варварски, жуткими зубцами. Почти под корень обрезав посередине, не смог до конца состричь в углах. Пробовал уговорить Таю закончить процедуру, но не уговорил...

С обстриженными ресницами физиономия приобрела какое-то разбойничье выражение; глаза утянулись внутрь, ярче засияли зрачки, выступили пшеничные брови, раньше совсем незаметные.

Ресницы отрастали очень долго, чему сам чокнутый па-

рикмахер был несказанно рад. Новые были не такими заметными – утратили пушистые кончики, цвет имели более тёмный и росли взлохмаченными, сикось-накось. В общем, такими, какими они и должны быть у любого нормального пацана.

С пятого класса Димка состоял на учёте в детской комнате милиции. С участковым Идиятуллиным был знаком гораздо раньше. С той самой памятной надписи «ЖАГУЛИ».

Ой, а потом-то сколько всего было! У Димки ж ни секунды даром не пропадало. Время, свободное от уроков, было подчинено строгому планированию, и задуманные мероприятия *всегда* воплощались в жизнь.

Тая являлась неоценимым партнёром уже хотя бы потому, что умела свистеть, как скворец. Ну точь-в-точь. Как-то там по-особому прижимала язык к нёбу, и птичья трель лилась через чуть приоткрытые губы. Она проделывала это так ловко, что было совершенно непонятно, откуда доносится звук. Ну просто скворец поёт где-то на ветке. Совсем близко. И всё.

Димка пользовался этим вовсю. Тая вечно торчала на шухере, когда он что-нибудь творил. И – свистела скворцом, если в поле зрения появлялся посторонний.

С одной стороны, очень удобно – Димка обладал отличной реакцией и моментально сматывался. С другой – любому посвящённому без дураков было ясно: видишь Каретникову, ищи рядом Мятлика.

Умением свистеть Тая потрясла Димку сразу, в самом раннем детстве, за что получила прозвище Скворец. Позже он сократил его до Скво.

Вокруг было полно их тайных убежищ. Димка считал себя великим мастером схронов – так он их называл.

Один схрон в подвале дома, ещё два – на крышах. Ну и по мелочи: пенал-кишка между гаражами, частично не зарытая траншея за трансформаторной будкой, уютно заросшая кустами акации, – бежал-бежал от кого-то: нырнул, прыгнул – и нет тебя! Огромная территория законсервированной стройки по соседству тайла роскошные возможности. Там, кстати, находился Димкин полигон для испытаний.

Их подвал, как, впрочем, и у всех остальных во всём микрорайоне, был поделён на чуланы. Клетушка Прекрасной Казашки находилась в самом углу, в аппендиксе душного подполья и имела довольно причудливую конфигурацию. Туда никогда никто не заглядывал, так как всё пространство было плотно завалено огромными штабелями толстых журналов: дыбились горы «Роман-газеты», «Юности», «Нового мира», «Невы». Только-только хватало места, чтобы втиснуть велосипед.

Димка придумал использовать зазор между стеной дома и дверью чулана, который был прикрыт тремя неширокими досками, как фальшьпанелью, и устроил вход именно там. Вынес и пожёг почти всю любовно сохраняемую бабушкой периодику, оставив только один ряд. Как-то там грамотно

подпёр эту неуверенную стенку досками и получил во владение прекрасную потайную комнату с окном. То есть тот, кто открывал дверь сарая, видел по-прежнему двухколёсную машину и штабеля пыльных журналов, а, отодвинув висящие на верхних гвоздях доски рядом с дверью, попадал в Димкин схрон. Они, эти самые доски, и были настоящей дверью.

Схрон в подвале Димка организовал, когда учился в шестом; с пятого класса они прятались на крышах гаражей, взбираясь туда по железным скобам, расположенным позади глухой стены, в тесном проходе, заваленном строительным мусором. Бетонные плиты, которые накрывали кирпичные отсеки, заканчивались каким-то лихо заломленным в небо цементным козырьком, поэтому разглядеть тех, кто прячется наверху, было нельзя. А тем, кто прятался, было здорово: в козырьке через равные промежутки имелись круглые дырки; лежи на пузе и наблюдай за всем, что происходит, как через окуляры, только переползай туда-сюда, меняя угол зрения.

И конечно, крыша дома. Плоская залитая гудроном площадка на макушке хрущёвки. Чердака не было и в помине, люк выводил сразу под открытое небо, хотя сам был прикрыт деревянной будкой с дверью и мутным окошком над ней. Висячий замок, запирающий крышку люка, Димка взломал моментально, и, больше того, когда они вдвоём находились наверху, как-то так ловко привешивал его к одной петле, плотно прижимая второй, – издали создавалась полная иллюзия,

что он закрыт.

Лето на крыше. Лёгкий запах расплавленного гудрона, чуть ниже – шуршащие кронами тополя и высоченные, с густой листвой берёзы. В тень, падающую от будки, Димка притащил и поставил банкетку с ободраным дерматином, выброшенную на помойку из домоуправления. На ней сидела Тая и смотрела на товарища, который катался на велосипеде, петляя среди вентиляционных труб и уворачиваясь от низко висящих проводов и торчащих антенн.

Велосипед в начале мая разбирали – затаскивали на крышу – и там собирали вновь. На ночь его накрывали клетчатой клеёнкой и прятали позади будки. Как они не спалились за все эти годы, занося весной по частям чёртов велик, сами ныряя туда бесконечно? Почему ни разу не нарвались на электриков, ремонтников, антенщиков, коммунальщиков – кому там положено бывать? Загадка...

Димке, конечно, мало было просто ездить, резко, на скорости, шарахаясь от проводов. Он проделывал на своей заслуженной машине невероятные вещи – подпрыгивал, вставал на переднее колесо, крутился на заднем... В общем, этой чумовой акробатикой овладел в совершенстве – как и всем, к чему серьёзно относился. Тая, чтобы не видеть особенно опасные кунштюки, в такие моменты задирала голову и смотрела на плывущие облака.

Когда велосипедист-акробат уставал, они ложились на живот поперёк банкетки, клали книжку – одну на двоих –

вниз, на пол, и читали, свесив головы. Проглатывали очень быстро, но всё по Димкиному вкусу. Сначала это был Фенимор Купер, Майн Рид, Саббатини, Дюма; позже – Стругацкие, Брэдбери, Айзек Азимов. Книги были из шкафа Преподобной Казашки, одна лучше другой, только «Библиотека приключений» чего стоила!

Тая переворачивала страницы, не спрашивая. Потому что читали они, как это ни удивительно, с абсолютно одинаковой скоростью.

Когда Димка был в пятом, а Тая в шестом, лето было посвящено Джеку Лондону.

Начали с «Северных рассказов». На «Сивашке» споткнулись о «скво». Сноска гласила – «индейская женщина». Они посмотрели друг на друга, и Димка, как незнакомое, попробовал слово на вкус:

– Скво...

Оно возникало в тексте тут и там, и они глазами искали его – Таино второе имя, которое звучало теперь по-новому и приобретало иной смысл. Этот смысл вдруг стал главным и расставил многое по своим местам. Надолго. На все последующие годы.

Они глотали рассказы один за другим – «Сын волка», «За

тех, кто в пути».

Потом шли «Мужество женщины», «Северная Одиссея», «Тайна женской души», «Неожиданное».

Шелестели страницы. Димка сосредоточенно пыхтел, ку-сал губу и слегка дёргал головой, а Тая, не шевелясь, водила глазами по строчкам.

Прочитанное обсуждать не стали. Всё и так было понятно. Слово прочно засело в голове, тревожило, требовало считаться с ним и знать о себе то, о чём раньше можно было только догадываться. Своё предназначение. А именно – быть рядом всегда, в любой ситуации, что бы ни случилось. Как в книжке: прокладывать лыжню, чтобы собаки не упали от усталости. А когда упадут, тащить на себе лёгкие санки с Димкой, которого смертельно ранил медведь. И нести поклажу вровень с мужчиной. И варить похлёбку из кожаных ремешков, срезанных с верха мокасин, и съедать только половину своей скудной порции. И... чего тут думать, когда всё уже решил и написал за всех скво – Пассук, Лабискви, Унгу, Эдит и за неё, Таю, мудрый и гениальный Джек Лондон.

Это был мощный переворот в сознании. Теперь можно было не мучиться выбором: хорошо – плохо. А просто быть рядом и спасать от беды.

– Да Аля, убери чайник! Скорее! И включи погромче. Но-

вости, про пленум! Сейчас скажут...

«...Генеральным секретарём Центрального Комитета КПСС пленум единодушно избрал товарища Горбачёва Михаила Сергеевича. Затем на пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Горбачёв Михаил Сергеевич. Он выразил глубокую признательность за высокое доверие, оказанное ему...»

– Не выключай, Аля! Давай уж дослушаем.

– Чего тут слушать, Келбет Гумаровна? Ну Горбачёв какой-то. Нам-то что? Кого поставили, тот и... Нас не спросят. Вот чайник теперь остыл. Сейчас, подождите, снова газ зажгу.

– Аполитичный, равнодушный человек ты, Аля. С такими светлое будущее не построишь.

– Смеётесь, что ли? И всё-таки: класть в сельдь под шубой яйцо или нет? Вы вот – кладёте? Я с этим вашим пленумом всё пропустила.

В подвале Димка делал бомбы. Ну не бомбы, конечно, а горючие и взрывные смеси. Иногда, не утерпев, испытывал мелкие дозы полученного вещества.

Во время испытаний Тая должна была стоять на шухере на улице у подвального окна и фиксировать результат. Запоминать, какого цвета шёл дым. Чем вонял. Искрило в подва-

ле или нет. Если что – сразу давать сигнал о прекращении опытов.

Их полуподземное окно выходило на неширокую вторую-степенную улицу, и пространство перед ним было плотно занято старыми деревьями, порослью, непролазными кустами, которые густыми ветками прямо-таки лезли в оконный проём. Поэтому проходило это довольно незаметно: кусты здорово рассеивали дым. И поскольку взрослое население дома днём было на работе, его жидкие струйки из окна могла видеть только какая-нибудь бабушка. Или девочка. И думать, что вот, наверное, дворовые мальчишки баловались с линзой и подожгли какие-нибудь щепки-бумажки и, что учитывая вечно сырое и тёмное законное месиво, можно особо-то не волноваться.

А у Димки был несомненный талант. Во-первых, он так грамотно организовал пространство, как-то гусеницей выгородил узкий коридорчик за входными досками, что если они были отодвинуты в сторону, то возникал мощнейший сквозняк, который моментально вытягивал химический дым через окно каморки. Во-вторых, с самого начала своих экспериментов интуитивно ухитрялся правильно рассчитать дозировки составляющих и, сколько бы ни жёг и ни устраивал микрохлопков в подвале, жильцам не нанёс никакого ущерба.

Только себе. Потому как руки были всегда в коричневых подпалинах и синюшных точках; обломанные ногти – жёл-

того цвета, с вечной траурной каймой. В седьмом классе при очередном эксперименте ему поранило мочку левого уха, просто срезало крохотный кусочек снизу, и всё. Видимо, каким-то осколком железа или стекла. Тая не спрашивала, потому что всё равно бесполезно.

Кровищи было... В панике она заливала йодом ухо, а попутно и щёку, прикладывала огромные комки бинта, которые страшными мясными розами падали на высокие ящики из-под яблок, заменяющие экспериментатору лабораторный стол.

Кое-как получилось остановить кровь и залепить пластырем. Два дня удавалось прятать ухо от бабушки, прикрывая его длинными лохмами и смываясь из дома с раннего утра. На третий заметили, конечно, и разразился скандал.

Допрашивали обоих на их кухне с криками, угрозами, слезами и валидолом. Димка чем-то отбрёхивался, Тая молчала как партизан, упорно воткнувшись взглядом в чугунный сифон раковины.

Ясно, что не добились ничего.

А мочка обрубленной осталась навсегда. Она как-то немного, слегка будто подвернулась к щеке и стала чуть-чуть короче правой. А так ничего. Димкины патлы всё занавешивали.

Начиналась дружба со всем, что горит и взрывается, как и у всех, с карбида и спичек. Потом – обычный набор начинающего взрывотехника: марганцовка, алюминиевая и магни-

евая стружка, глицерин, аммиачная селитра, целлулоид...

Шипя и дымя, летели из рук Димки-третьеклассника ракеты, сделанные из алюминиевого цилиндрика из-под валидола и целлулоидной плёнки с диафильмами, которых в бабушкиных запасах нашлась целая здоровенная коробка. И всего-то надо было – туго свернуть плёнку, запихать её в патрончик и проткнуть иглой дырку в крышке. Потом той же иглой – раскалённой – дотронуться через дырку до горячего материала, и... – восторг.

Потом были карбидные бомбы в бутылке из-под шампанского, дымовухи, взрывпакеты. Бертолетова соль и мечта о белом фосфоре.

Таю немного пугало то буйное эйфорическое состояние, в которое впадал Димка, когда от его рук взрывались, искрили, дымили самодельные бомбы. Но остановить его было невозможно, приходилось терпеть и приноравливаться.

С каким-то тоскливым чувством, сидя в подвале на деревянном чурбаке, она наблюдала, как Димкины руки соскребают серу со спичек, добавляют ещё штук пятнадцать просто отрезанных головок, затем заворачивают всё в шар с помощью чёрной изоленды, приматывают подобие бикфордова шнура – косой заборчик из тех же спичек...

Ура!.. Бомба летела огненным салютом, плюясь яркими вспышками загорающихся поочерёдно спичечных головок...

Испытывали на стройке – их «полигоне» – в тёмное вре-

меня суток. Бабушке внук набрехал, что занимается исследованием «Поведение насекомых, ведущих ночной образ жизни», и выторговал право на пятнадцать-двадцать минут исчезать из дома вместе с Таей с наступлением полной темноты. Для убедительности держал на своём подоконнике банку с парой-тройкой пауков или каких-нибудь многоножек, таская её как маскировку каждый вечер туда-сюда.

– Не противодействуйте, Келбет Гумаровна, – трогая соседку за плечо и ни на йоту не веря своим словам, горячо просила мама Аля, когда они с Прекрасной Казашкой пили на кухне чай, ожидая юных натуралистов. – Ну что здесь плохого? Ребёнок – смотрите – имеет постоянное увлечение – раз. Интересуется живой природой. Стремится наблюдать – два. Потом научится делать выводы. Приобретает практические навыки – три. Почём мы знаем – может, это станет впоследствии его профессией... Какой, какой... Учёного, конечно. Исследователя. Мы же, взрослые, легко можем разрушить хрупкие ростки, способности, которые дала ребёнку природа. И потом, что вы переживаете, с ним же Таюша.

«Как же... разрушишь их, – думала Прекрасная Казашка, слушая мамы-Алины речи молча, подперев кулаком подбородок и слегка покачивая в такт головой. – Калёным железом разве только...»

Многое бы она отдала, чтобы хоть на секунду поверить в то, что с такой страстью внушала ей соседка. Из всех Алиных слов листом подорожника на душу ложилась только од-

на фразу – «с ним же Таюша».

Так они сидели над чашками с остывающим чаем перед окном, открытым в душный, тёмный июльский вечер: одна слушая, вторая убеждая. А шестиклассник Димка, получивший к этому времени бертолетову соль, на своём полигоне проверял её детонирующие свойства с помощью молотка и железного параллелепипеда-наковаленки.

...Это «увлечение» ещё как стало его будущей профессией. И вырос из него уникальный специалист. А начало положило именно то, чем он занимался поздними вечерами на заброшенной стройке. Только это была, конечно, совсем другая профессия, не та, о которой мечтали его бабушка с Тайной мамой у них на кухне...

– Валера, нассы в глаза.

– А?

– Полную кошёлку прёт, холодильник чёртов. И ртом и жопой хватает...

– Озлилась ты на него, видать. С холодильником чего было, вызывать пришлось?

– Да уж... Кость в морозилке отдирала, дыру проткнула. Газ весь вышел. И – куда деваться! Чтoб его разорвало...

– Три шкуры содрал?

– И деньгами! И водкой! И банку тушёнки! И ржёт! Ну,

говорит, поди тогда новый купи!

– Сволочь.

– Мат-ть честна! Пенсионёрствующиые. Салям алейкум!

– Здравствуй, Валерочка! Ты поставь, поставь сумочку-то сюда, на скамеечку! Отдохни. Тяжело, небось умаялся...

– В кошёлке-то чего, Валер? Где с утра чинил-то?

– Да в столе заказов механического. Прямо... жить без меня не могут! Хоть каждую неделю ходи.

– О! Хорошее место. Всё начальство отоваривается.

– Чего добыл, а?

– Да виноград. Буфетчица мне: что надо, Валер... Ну я: винограду бы, килограмма два-три. Она говорит: нету сейчас, всё разобрали. А я такой: е-есть! Хошь покажу, где стоит? Ах-ха-ха-а, ох...

– Ох и хваткий ты, Валерочка. Для семьи – прямо золото! И счастливая Татьяна твоя...

– Молодец! Вот мужик в доме, а?

– Ладно, хорош. Мне по двум местам ещё. Чай да сахар, леопёрдушки!

– Св-волочь... Не надорвись смотри!

– Сам леопёрд!

– И Татьяна его – сволочь, дура толстомясая! Как таких земля носит...

Изобретение смесей, даже испытания – это бы ещё ладно. Главный ужас был, когда Димка принимал решение их применить в ходе какой-нибудь «спецоперации». Редко, надо отдать ему должное. Очень редко. Но...

Операция «Мля», например.

Мля – это нестарый мужик по фамилии Поросков из соседнего двора. Имел гараж почему-то в той секции, которая упиралась боком именно в их двор, а не в тот, что рядом. Поэтому и ходил, занавесив лицо белобрысой засаленной чёлкой, наискосок, пересекая их территорию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.